

ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ

ПРИМЕЧАНИЕ. Предлагаемая читателям «Повесть о бражнике» в высшей степени замечательна и заслуживает многостороннего исследования. Список, по которому напечатана она в «Русской беседе», находится, как говорит г. Аристов, в одной раскольничьей книге; но повесть эта, как известно, существует в нескольких списках. Весьма было бы желательно иметь список, наиболее древний.

Оставляя здесь в стороне исследование о времени появления, а равно и о языке ее (для чего нужен более надежный список), мы хотим поговорить о том воззрении, которое выражается в «Повести о бражнике» — произведении, без сомнения, народном, принадлежащем древней русской словесности.

Бражник входит в рай: вот основа этой повести. С первого взгляда это может показаться странным. Иные даже, может быть, подумают, не хотел ли русский народ оправдать этой повестью страсть свою к пьянству... Ничего подобного тут нет. Чтобы понять истинный смысл повести — смысл глубокий — надобно вникнуть в нее и обратить внимание на весь рассказ о бражнике.

Прежде всего должно сказать, что «повесть», очевидно, не смешивает бражничество с пьянством. Кроме несомненной

разницы в словах — это видно и из самого рассказа. Нигде нет даже и намек на излишество в употреблении вина, нигде не встречается слово: пьянство, имеющее такой определенный и ясный смысл. Бражничество и пьянство: это два понятия и два слова — совершенно разные. Бражник не значит: пьяница. Бражник (оставляем здесь в стороне словопроизводство) значит: человек, пирующий, охотник до пиров и, следовательно, непременно пьющий вино, ибо вино, с древних лет, есть принадлежность, есть душа пира. Но бражник может пить вино на пиру, не переходя в излишество, не упиваясь, и быть бражником в полном смысле. Бражник — человек в веселье, в пирах, со стаканом вина в руке проводящий время свое.

Теперь обращаемся к самой повести: в ней выводится человек чистый, высоконравственный, благочестивый, но — бражник. Стало быть, небесному суду подлежит одно бражничество, и ничего более. В самом рассказе нельзя не заметить того искусного приема, которым поставлен вопрос об одном бражничестве, и только. Суд, или, лучше, судное прение, начинается перед вратами рая. Святые, один за другим, не пускают бражника в рай, говоря ему, что он бражник, что бражникам уготована вечная мука; — следовательно, святые поставляют бражничество в вину. Бражник не отвергает своего бражничества, сам называет себя бражником и, очевидно, не видит в бражничестве вины, препятствующей войти ему в рай. Святым: апостолу Петру, царю Давиду, царю Соломону — одному за другим, напоминает он их собственные грехи, от которых избавили их только слезы и покаяние. «А я, — говорит бражник, — я по все дни божие пил, но за всяким ковшем славил бога, не отрекался от Христа, никого не погубил, был целомудрен и не поклонился идолам». Святые, один за другим, отходят от дверей рая, задумываясь о словах бражника. Наконец, ко вратам рая подходит Иоанн Богослов и также не пускает бражника. Иоанна Богослова укорить нечем в его жизни. Бражник обращается к нему с иной речью. «Не ты ли написал, — говорит он ему, — «друг друга любите»? А теперь ты меня не пускаешь и друга своего не любишь. Выдери из книги этот лист, или отопрись от этого слова, или рука твоя описалась». — «Не могу отпереться от своего слова, нельзя было описаться руке моей, — отвечает Иоанн Богослов. — Я писал, что повелел мне господь бог». — «И мне бог повелел быть с вами в раю», — отвечает бражник. Тогда Иоанн Богослов говорит ангелам: «Отворите врата святого рая». И бражник входит в рай. Замечательно, что здесь, пред вратами рая только раскрывается уже совершившийся суд божий, суд, оправдавший бражника и повелевший ему быть в раю. Это ясно выражено в повести, заключающей в себе,

при своем малом объеме, обширный план и замечательную стройность. Что суд божий совершился и оправдал бражника — это видно из первых слов повести: бог послал ангела своего взять душу бражника, и ангел поставил ее пред вратами пречистого рая. Пред вратами рая, в прении бражника со святыми, суд божий, святым неизвестный, постепенно раскрывается. Слова бражника повергают святых, апостола Петра, царя Давида, царя Соломона, в размышление. Любимому ученику Христову, Иоанну Богослову, напоминает бражник слова его о любви: «Друг друга любите», как бы слегка упрекает его в том, что слова о любви, им сказанные, не мешают ему возбранять вход в рай другу его, то есть: что любовь, о которой писал он, не раскрывает однако же перед ним, не помогает ему угадать суда божия (суда, оправдавшего бражника), не помогает ему узнать в бражнике друга своего. Наконец, бражник прямо открывает Иоанну Богослову суд божий, повелевший ему, бражнику, быть в раю. Особенною торжественностью отзываются эти последние слова бражника: «Господине мой возлюбленный, Иоанне Богослове, слушай мя: и мне господь бог повелел с вами в святом раю пребывать и со всеми святыми ликовать и честныя стопы ващи лобызати». Тогда Иоанн Богослов возвещает таким образом суд божий ангелам: «Отворите врата святого рая, ибо господь бог повелел бражнику быти с нами в раю отныне и до века и во веки. Аминь». — Такими торжественными словами оканчивается эта повесть.

Сказав о самом изложении повести, постараемся определить смысл ее, как мы его понимаем.

Перед нами (не забудем) человек чистый и высоконравственный. Разумеется, что, кроме благочестия, доброты, целомудрия и непоклонения идолам, он имеет и другие достоинства, образующие из него высоконравственное лицо; по крайней мере, то верно, что он не имеет пороков и грехов, заслуживающих упоминования, препятствующих войти в рай. Но он — бражник; он, при всех своих нравственных достоинствах, при всей нравственной чистоте своей, веселился, пировал и пил вино все дни своей жизни. Грех ли это или нет? — Вопрос именно так поставлен, ибо бражник не кается в своем бражничестве и возвещает его прямо перед вратами рая. Грех ли это или нет? — Не грех, отвечает народная повесть.

Но что же именно оправдано в этой народной повести? Оправдано веселье и радость жизни. Пусть жизнь будет нескончаемый пир, пусть наслаждается человек всеми земными благами, пусть радуется все дни свои. Эту радость, это веселье жизни — благословляет русская народная повесть. Но само собою разумеется, что эта пиршественная радость жизни допускается, оправдывается, одобряется даже, но не тре-

буется от человека и что одно это вечно пирующее веселье, само по себе, еще не составляет нравственной заслуги, заглагоживающей другие грехи*. Пусть человек пирует — и славит бога, пусть пирует — и любит братьев, пусть пирует — и хранит чистоту, пусть пирует — и (что всего важнее) не поклоняется идолам, т<о> е<сть> ничему не рабствует.

В повести этой высказан взгляд антиаскетический. Да не подумают, повторяем, чтоб эта повесть заключала в себе учение бражничества, советовала бражничать. Нет, эта повесть лишь оправдывает бражничество как бражничество, само по себе, без всякой примеси грешной. В этой повести признается законным и благословляется веселье жизни, которое, на нравственной высоте, становится хвалебной песнью богу, окружившему человека земными благами на радость ему, лишь бы помнил человек бога и хвалил его, сохраняя радость во всей ее чистоте**.

Святое учение наше христианское благословляет чистое веселье земное. Но мало ли к каким уклонениям могут повести ошибочные толкования и лжеумствования. Русский народ, как видно, чувствовал потребность высказать этот истинный и глубокий взгляд на чистое веселье земное, на чистую земную радость, законную и прекрасную, и предложенную всякому — для кого не кончились на земле все земные радости.